

Их было больше ста

Однажды в моих руках оказалась географическая карта Пермской губернии 1919 года. Я выписал оттуда названия всех деревень и хуторов Лысьвенского уезда. Вдумайтесь только в цифры: в 1919 году в Лысьвенском районе было более ста деревень. Сейчас их осталось около двух десятков. Куда все подевалось? Какой стремительный вихрь пронесся над крестьянскими избами, в которых жили люди, справляли новоселья, рождались дети, в престольные праздники играла гармошка?

Наверняка где-то живут люди родом из ныне исчезнувших деревень. Какова их судьба? Что стало с их малой родиной? Помнят ли они ее? Это же наша история, наше прошлое, без которого, мудро сказано, нет будущего. Я, например, до сих пор жалею, что в свое время не побывал на родине отца в деревне Вершинино Кировской области. А теперь ее нет, и не только на карте...

Пока не поздно, пока в здравии наши отцы и деды родом из канувших в небытие селений, давайте порасспросим их о днях минувших. Заодно расскажем о людях из неперспективных деревень, опустевших в период укрупнения колхозов. Вернем, наконец, имя малой родине!

Есть хороший пример. На месте исчезнувших селений вкапывают заметный столб (чаще крест) с названием на табличке деревни и фамилиями ее жителей. Рядом скамеечка, чтобы прохожий – рыбак, охотник, грибник – присел, передохнул, прочитал фамилии и поклонился крестьянам, пострадавшим от экспериментов с советской деревней.

А если сюда соберутся в престол бывшие жители или их потомки да помянут родственников, соседей, увезут с собой горсть родной земли – разве это плохо? Думаю, в организации подобных поездок наши власти старикам и старушкам не откажут. А если мы вместе вернем умершей деревеньке имя – наверное, бережнее будем относиться к нынешним, иные из которых, к сожалению, дышат на ладан...

Вот список деревень и хуторов Лысьвенского уезда, обозначенных на карте 1919 года (орфография сохранена):

Арзи, Бабеныши, Болотный, Большая и Малая Шадейки, Боровка, Бортникова, Бурсяк, Важенин, Валюшина, Вакса, Веснина, Верхние и Нижние Горюны, Вс. Канабековой, Вс.Аитковой, Вс. Сава (Вс., очевидно, сокращенное «выселки»), Выломова, Волкова, Волокушин, Выс, Вязовка, Верхний Култым, Голдимышка, Демидова, Дуброва, Еберзяки, Заталова, Зайцова, Захарина, Запросека, Загарья, Заимка, Зыкова, Кашошники, Кульбики, Крутой Лог, Канабекова, Каменка, Койва, Кошарова, Корнилова, Крутой Лог, Кульбики, Кумыш, Латышева, Липова, Ломовая, Лязгина, Малый Ломов, Матвеева, Мамоны, Маркова, Маркулина, Маховляна, Мехрякова, На мысу Выломок, Нахратова, Нек, Небучевка, Новая Лысьва, Новиковка, Оборина, Олени, Ольховка, Пашкова, Паркина, Парканы, Пильн-Рассольная, Привалова, Постова, Петрова, Полякова, Рожкова, Рыжкова, Рюминская, Сергина, Сосновое Болото, Средняя, Таборцы, Топорки, У Булановой Горы, Усть-Койва, Фроловичи, Чебота, Черемная, Чинголы, Чукбяш, Шестакова, Шишова.

Возможно, где-то я проглядел, либо иных деревень еще не было, поэтому из административного справочника по населенным пунктам области (1962 год) добавлю остальные лысьвенские деревни, а также хутора, станции, лесопункты (очень может быть, что некоторые приведенные ниже названия относятся к упомянутым выше):

Белая, Большая Запорная, Большая Сова, Большая Лысьва, Будка 27 км., Верх-Лысьва, Волегов хут., Вынырок, Грива, Добрынинка, Дылга, Журавлик, Захарово, Заитовка, Запоскотина, Киселевка, Колупаиха, Кормовище, Куропашка (Куропатка), Кын, Кержаковка, Климовка, Кутамыш, Латыши, Лесной пос., Мишариха, Мыльниковка, Невидимка, Новая ферма, Новорождественское, Обманка, Одина, Откормочная ферма, Поповка, Рассоленки, Рассоха, Рудничная, Рябинино, Садики (хут), Саликова Гора, Седунка, Соя, Татарка, Терси, Талая, Чебыкинский хутор, Шаква.

А если к ним еще приплюсовать более десятка Казарм, расположенных вдоль железной дороги, получается, что в Лысьвенском районе существовало около 150 деревень, сел, хуторов, станций! Вполне вероятно, я что-то упустил. Тогда подскажите, уважаемые читатели, знатоки родного края. К сожалению, сведений об истории колхозного движения в городском музее нет. Зато есть необходимость отдать должное сельским труженикам тыла, подставившим Родине плечо в годы военного лихолетья, крестьянам, покинувшим деревни, чтобы восстанавливать города и заводы после войны.

Газета «ГородЪ», 5 февраля 2002 года.

Первые отклики: «Спасибо, что затеяли такое дело!»

Уже в день выхода газеты в свет, 5 февраля, в редакции раздался телефонный звонок. Позвонил ветеран труда «Привода» Борис Мехряков:

- Интересное, нужное дело вы задумали. К тому списку, что в газете, добавьте деревню Любимово. Она находилась на речке Мельничной. В Любимово был алебастровый завод. А еще за Поповкой, где проходила старая высоковольтная линия, стоял хутор обходчика. Иногда его называли Филаретовой будкой или Кордоном. Здесь жил и работал мой отец Филарет Терентьевич. Он охранял высоковольтную линию, соединяющую Лысьвенский и Чусовской заводы. Опоры были тогда деревянные. Вот отец и смотрел, чтобы они не подгнили, проверял скрутки на проводах, чтоб не перекалились. Сам я родился в Горюнах, но все детство (с 1936 по 49-й годы) прошло на этом хуторе. Помню, что после отца работал обходчиком Николай Назарович Горошников.

Спасибо, Борис Филаретович, за звонок. Благодаря Вам, еще одним белым пятнышком в истории нашего края стало поменьше.

Вечером ко мне домой позвонил художник Владимир Смирнов, тоже ныне пенсионер:

- Гена, а почему в том списке я не увидел деревню Грязнуху, в которой родился наш прославленный земляк Алексей Новиков? Нет у тебя и деревни Кабаны. И Усть-Серебряную запиши. Я ее еще застал. Когда по Чусовой сплавлялись, в той деревне хлеб покупали. Ну, будь здоров. Не бросайте это дело, продолжайте!

На другой день в редакцию пришла наша читательница Клавдия Ивановна Киселева:

- Прочитала подборку о деревнях от корки до корки. И почти всю ночь не спала. Вспоминала детство свое на хуторе Черный. Как вы разбередили душу мою...

В этот же день позвонил известный и уважаемый в Лысьвенском районе краевед и ветеран Великой Отечественной войны Виктор Соломин:

- Геннадий, приезжай в Кын. У меня есть старая карта. И ты пополнишь список деревень. Хотя я и без карты назову тебе некоторые: Кайгородово, Зименово, Кошкино, Гаревая, Кирпичная, Петушата, Симоновка, Бизи – Старый, Большой, Новый. А в бывших рудниках сколько казарм было! Хорошо бы на ваши публикации откликнулись представители власти - выходцы из деревень. Они наверняка бы помогли в этом начинании. Ведь привезти, вкопать даже один столб – дело затратное. Может, комиссию какую создать при администрации Лысьвы? В общем, спасибо, что затеяли такую акцию. И еще несколько звонков. Борис Николаевич Карпушев:

- Хочу немного рассказать о деревне Поньш. Она за Второй Обманкой находилась. В ней еще до войны я бывал пацаном, за харюзом сюда хаживал. Прудик там хороший был, налимы крупные водились. Жители Поньша, а это в основном выселенцы с Украины, работали в зерносовхозе. Жили в двухквартирных домах барачного типа. Магазинчик имелся. На рыбалку сюда я приезжал с ночевой и часто останавливался у Ивана Диденко. Его сестра где-то в Лысьве, слышал. Помню и Ивана Шанаурина из Поньша, бывшего моряка. Он на Мысу, по-моему, сейчас живет. В общем, успехов вам.

А это Людмила Юлиановна Шаламова, уроженка Лысьвы, ей 67 лет (работала в цехе № 6 контролером:

- Почему-то не нашла в вашем списке Паньши (какое мягкое название! – Г.В.). Она располагалась в районе нынешнего первого сада. Было 5-6 домов в ней, но действовал кирпичный заводик. Мы коров пасем в том районе, так еще столбушки – остатки деревни - встречаются. В стороне Обманки находилась деревня Кабаны. Она побольше была. Там телят, лошадей разводили. Мы когда-то около Кабанов косили, а сейчас там все заросло. А вообще-то я немало деревень пешком обошла. К Татарке за малиной пешком ходили, и в Мыльниковке бывала. А в Поньше, помнится, Сусловы жили. Чуть пониже деревни Запросеки была во время войны деревенька Попадванька – домов пять примерно. Мама говорила, что в ней их всегда шаньгами угощали. Правильно вы делаете – надо возрождать память о деревнях.

Поддержали наше начинание председатель совета ветеранов «Привода» Герольд Вавилин, известные в Лысьве природолоб Геннадий Суслов, краевед Николай Парфенов и многие другие.

Честно говоря, не ожидал, что наша акция найдет столь мощную поддержку читателей. Сначала я задумывал опубликовать серию материалов об исчезнувших деревнях и судьбах их жителей. Но сообщая родилась идея об акции года, цель которой – вернуть малой родине доброе имя, напомнить ныне живущим о прошлом нашей многострадальной русской деревни. Потому что «прошлое – родина души человека», как мудро заметил однажды немецкий поэт Генрих Гейне.

Почему бы не дать возможность нашим бабушкам и дедушкам, волею судьбы и обстоятельств сорванным с обжитых мест, снова пройтись по тихим деревенским улочкам, посидеть на крыльце или лавочке у родного дома, сплясать под гармонь? Хотя бы в душе.

Ведь реально теперь эти деревни не восстановить. Сколько их по России стерто с лица земли! Страшно подумать, если только в нашем районе исчезло более сотни деревень. То был, не боюсь сказать этого слова, геноцид против русского крестьянина. Одним росчерком пера, очередным постановлением ЦК решались судьбы «неперспективных» деревушек, жители которых и без того не чувствовали себя полноправными гражданами страны, поскольку вплоть до середины 50-х годов им даже паспорта не выдавали.

Публикациями об исчезнувших деревнях, установлением на их местах памятных крестов и скамеечек мы хоть в малой доле попробуем восстановить историческую справедливость. И нас радует понимание выходцев из этих деревень и коренных горожан, продолжающих звонить и заходить в редакцию с рассказами о былом русских селений.

Газета «Городъ», 19 февраля 2002 года.

Старожил из Запросеки

(«Расположена была наша деревня Запросек, а её и Кордоном звали...»)

...Крещенские морозы в январе 1942 года лютовали с неделю, а дрова в доме кончились. Как ни укутывал Алешка младших братьев лопотиной, оставшейся от отца и матери, холод пробирал до костей. «Придется в лес идти за дровами», - решил русоволосый мальчуган.

- Ты, Витюха, остаешься за старшего. Приглядывай за Юркой. В Чапаева поиграйте, чтоб согреться. Я скоро приду.

Алешка надел телогрейку и старенькую отцовскую ушанку, сунул ноги в валенки. Прихватив в сених топор и деревянные санки, выскочил во двор. Хотя улица Жарова, где они ютились в маленьком домишке, от леса была недалеко, до ельника мальчишка дошел уже изрядно продрогшим. Работая топором, немного согрелся. Обратный путь давался с трудом: санки нагружены под завязку, а силенка-то еще жиденькая. Решив передохнуть, Алешка уселся на дрова. И задремал. Еще успел подумать: «Был бы жив отец, мы бы быстро управились».

...Да, отца его Андриана Васильевича, вятского крестьянина, силушкой Бог не обделил. Десятипудовые мешки таскал. Через эту силу и сгубил себя. В войну Андриан Попов работал конюхом в милиции. Направили его раз за сеном в сторону Обманки. Погрузил. Везет на лошадке. Где-то возле отворота на отвал воз перевернулся.

Не стал Андриан переметывать сено. Понадеялся на свою силу. Подлез под воз, поднатужился и поставил сани с грузом на дорогу. А сердце от натуги не выдержало, разорвалось. Тут его и нашли мертвым... Это было 16 ноября 1941 года.

Но верно говорят: пришла беда – отворяй ворота. Через месяц с небольшим под Новый год двенадцатилетний Алешка остался в семье и за мать, и за отца. В тот день он катался на лыжах с угоров у Травянки. Тут к нему и подбежали пацаны, кричат: «Леха! Мать у вас милиционеры забрали». Алешка кинулся домой, но мать уже не застал.

- Ее волоком увели. Время-то военное было. А она в тот день на работу не вышла: от надсады на лесопилке да от голода у мамы так ноги распухли – ступить не могла. Суд в ту пору скорый был. За уклонение от работы дали ей пять лет. Где-то за Чусовым на лесосплаве срок отбывала. Правда, не до конца. Вместо пяти – два года и восемь месяцев: освободили по состоянию здоровья. Так с опухшими ногами, в том же ватнике и вернулась домой. Я хорошо помню тот день. Мы с Витькой уже спали. Слышу, кто-то стучит. И такой знакомый голос: «Сыночки, вы хоть живы, нет?»

Открыл я двери, а на пороге стоит мама, такая постаревшая. Оглядывает нас: «А Юрка-то где?» А Юрка наш помер вскоре после того, как маму посадили. Что получилось-то? Когда я с братьями – одному семь лет, другому два годика – остался, дома ни дров, ни картошки: шаром покати. Видят соседи – дела мои совсем плохи, хоть и учителя помогали. Короче, определили самого младшего в круглосуточный детский сад, это рядом со школой № 2. Юрка там на второй день и помер. Недоглядели нянечки. Его с голодухи накормили досыта – у него заворот кишок и приключился. Женщина из детсада пришла к нам и говорит: «Вы уж не плачьте. Умер ваш брат. Отмучился». Работницы детсада и похоронить Юрку помогли.

Виктор тоже еще мог бы жить да жить. А ехал как-то на мотоцикле ночью с рыбалки. Остановился нужду малую справить. Мотоцикл заглушил. В темноте на него и наехал самосвал, позвоночник повредил. Через несколько лет и умер. Так что не стало у меня братьев. Да и я мог пацаном сгинуть. Ладно, в тот раз, с дровами-то, меня, обмороженного и сонного, подобрал лесник Иван Сорогин. Он на лошади той же дорогой ехал. Я уж только дома очнулся. Отходили как-то. Выжил. Потом нам горно с дровами помогало. И Калинин у нашей семье писали. Но все равно туго нам с Витькой жилось. Наверно, корова за всю свою жизнь столько травы не переела, сколько мы с братом. Чуть зелень пойдет – все наше: и пистики, и крапива с лебедой, - вспоминает Алексей Андрианович. Мне показалось, что глаза его увлажнились.

Немного полегче стало, когда после семилетки поступил в ремесленное училище № 2. По 800 граммов хлеба в день выдавали. Алешка еще и домой приносил. Но и работали подростки в войну за взрослых. Четыре часа поучатся – и на завод. Смышленным оказался паренек с крестьянской закваской. И по слесарной части у Алексея ничего из рук не выпадало, и на токарном станке вытачивал снаряды (черновая обработка) и пробки к глубоководным минам. Позднее и лекальщик из него дельный вышел. И электросварщиком работал споро.

О хороших специалистах-умельцах слава далеко идет. В 1969 году переманили Попова на ТГЗ, в семнадцатый цех. Через два года уже поставили мастером механо-сборочного участка. С этой должности и вышел в 1989 Алексей Андрианович на заслуженный отдых. А он его, действительно, заслужил, о чем говорят медали на парадном пиджаке. Однако и будучи на пенсии, Попов еще с полгода не покидал завод. А потом председательствовал в коллективном саду № 3.

- О родной деревне что-то осталось в памяти?

- Совсем немного. В Запросеке я жил до пяти лет. В 1934 году родители на родину в Кировскую область поехали, потом сколько-то в Казани у родственников жили. А в 1936 году вернулись в Лысьву. Помню, что в

Запросеке было 4-5 домов. Расположена была наша деревня – а ее и Кордоном называли – неподалеку от нынешнего третьего сада, за речушкой Малой Травяной, на поляне. Еще Ваню-Тюрю Запросечного помню, дурачка деревенского. Его все дразнили: «Ваня-Тюря, когда в партию вступишь?» Ох, и начнет ругаться!

А вообще-то вы доброе дело затеяли – напомнить всем об исчезнувших деревнях. В основном люди в них жили работающие, с открытой душой. Я же почти все деревни облазил в районе. Никто ни в ночлеге, ни в еде не отказывал.

Раз в Парканы угодил в престольный праздник. Столы с закусками прямо на улицу выставлены, гармошка играет. Меня остановили: «Эй, охотник! Садись с нами. Бражки выпей. Ночевать-то есть где?».

Зачем из мелких деревень людей и скот на центральные усадьбы согнали? К чему это укрупнение привело? К разрухе и пьянству, – Алексей Андрианович с горечью махнул рукой.

Став городским жителем, он не мог забыть деревню, петушиное пение по утрам, молочный туман над рекой, свежие заячи следы возле самой околицы. Потому и проводил все свободное время на природе – рыбачил, охотился. Все как-то ближе к деревне. И даже, когда его помял медведь, не забросил охоту. Правда, сейчас раненая нога (напарник, спасая оказавшегося под медведем друга, случайно прострелил Алексею ногу) дает о себе знать. Поэтому лет семь Алексей Андрианович уже не берет в руки ружье. Но в саду по-прежнему копошится. А еще он любит смотреть передачу «Играй, гармонь!» Она тоже напоминает ему о деревне.

Газета «ГородЪ», 5 февраля 2002 года.

И зацветут люпины...

(«...до боли знакомые деревни Кутамыш, Родничная, Климовка, Белая, Седунка, хутора Черный и Красильникова».)

...Тихо поутру в зимнем лесу. Ни одна веточка не дрогнет, притаились в своих норках зверушки. По обеим сторонам лыжни выстроились мохнатые ели – стоят заснеженные часовые, не шелохнутся, охраняют лесной покой. Красиво! В любое время года любит Клава свой лес, речку, косогоры за околицей. Но сейчас девятилетней девочке, идущей по снежному коридору на самодельных деревянных лыжах, не до красоты. Она торопится на центральную усадьбу к дяде Пете, на хутор Черный. «Может, даст дядя Петя хлебушка или муки для больной мамы. Быстрее бы поправилась», – рассуждает девочка. И, подоткнув старенькую шалюшку, еще шустрой заскользила по лыжне.

А сейчас я беседую с той самой лыжницей, правда, теперь уже пенсионеркой Клавдией Ивановной Киселевой, в редакции, куда она пришла, прочитав подборку сельских материалов.

Разбередили вы душу своими статьями о деревне... Конечно, выручил нас тогда дядя Петя, Петр Михайлович Теплоухов. Он во время войны работал директором подсобного хозяйства Лысьвенского мясокомбината. Мы жили в полутора километрах от хутора: стоял там дом на отшибе, куда нас и поселили после пожара в деревне Кутамыш. Папу в ту пору забрали в трудармию. Брат Николай на фронте был, старшая сестра училась в

ремесленном училище. Папа-то до войны все плотничал. Умельцем в этом деле был большим. И где какое строительство в леспромхозах, деревнях – он там.

А мама в войну лапти плела. Норма – три пары лаптей в день. Мы с сестрой лыко драли для нее, кору резали на мелкие кусочки. Обе и первые шаги сделали в лаптях. В них я в школу пошла одиннадцати лет. Я и сейчас умею их плести, сыну как-то раз подарила в день рождения лапоточки.

Клавдия Ивановна задумалась, посмотрела в окно, из которого видна Каланча. Там, за ней, в сторону Паинцев, располагались когда-то до боли знакомые ей деревни Кутамыш, Родничная, Климовка, Белая, Седунка, хутора Черный и Красильников. Она будто вновь прошла по родным с детства тропинкам, заглянула в зеркальную гладь деревенского прудика. Нехотя оторвалась и ...вернулась в редакцию:

- Вот так мы и жили всю войну на Черном. Всякое бывало. И липовую кору с переженными костями перемалывали: лепешки делали. И вкус лебеды я не забыла. И вместо воды снег оттаивали. А пиканов на всю зиму запасали, солили. Трудно жилось, но дружнее были люди. Помогали друг другу. Вот и в тот раз не оставил нас дядя Петя в беде, дал ячменной муки.

Да если бы не порушили мелкие деревеньки и хутора, сейчас наверняка не бомжевали бы так. Ведь там еще добротные дома оставались. Я уж не говорю о природе. Воздух какой! Дышишь - не насытишься. Места заповедные. А ныне живем в каменных трущобах, - грустно вздыхает Клавдия Ивановна.

Моей собеседнице 67 лет. Горожанка с большим стажем, но деревня из ее души никуда не делась. Отработав четверть века крановщицей в двенадцатом цехе ТГЗ и выйдя оттуда на пенсию, мечтала купить в какой-нибудь деревне небольшой домик, чтоб обязательно на берегу речки стоял, козочку завести и жить-поживать, любоваться закатами, наслаждаться пением соловья. Не получилось. Но сад есть.

Дачного сезона Клавдия Ивановна ждет с нетерпением, чтобы на все лето уехать подальше от суеты городской, от копоти промышленной. Последние 15 лет своей жизни ее родители Анна Васильевна и Иван Григорьевич доживали в деревне Талая, где в 60-е годы еще были и детский сад, и магазин, и школа, клуб. Ничего теперь не осталось от деревни...

Осенью прошлого года Клавдия Ивановна уговорила подругу Людмилу Владимировну Гулину сходить до Талой. Взяли корзинки под грибы и отправились, несмотря на мелкий морозящий дождь. Пешочком от Заболотной. Нашла Клавдия Ивановна родное подворье. На том месте, где стоял родительский дом, лиловым островком отцветали люпины. Их красота резанула по сердцу. Красота, оставшаяся в одиночестве, без людей...

Посидела Клавдия Ивановна, помянула родителей, соседей. Уходя, набрала добрую пригоршню семян. Нынешней весной люпины с отчего двора зацвели и в ее саду. Ниточка, связывающая ее с родителями, старым бревенчатым домом, не оборвалась!

...Из четверых детей Клава, единственная, родилась в рубашке. Говорят, ее, рубашку, следовало бы сохранить, чтобы счастье не ушло. Да не до того было матери. Может, потому и не нажила большого богатства Клавдия Ивановна? Но она сохранила память о прошлом и бережно несет ее в своем сердце. Не это ли главное?

А мне б до родины дотронуться рукой...

(«...стоял на обочине столбик с указателем «Кухтанка»)

Еще недавно на трассе Лысьва – Чусовой стоял на обочине столбик с указателем «Кухтанка». Теперь и названия не осталось. Поменяли табличку на «Макариху». А ведь некогда действительно был хутор, километрах в двух от трассы. О нем, как о хуторе Лещевых, вспомнил наш благодарный читатель Борис Филаретович Мехряков. Долго искать кого-то из жителей Кухтанки не пришлось: там до войны жила моя мать Анна Андреевна Вершинина, в девичестве Лещева. Думаю, читатели не осудят меня за семейственность при подготовке материала. Ведь мать с отцом, дед мой тоже вписали свою страничку в историю. В их судьбах, как в капле воды, отразилась и судьба нашей многострадальной Родины.

«Рубинко, пойдем в колхоз!»

Ох, и бойка была Нюрка в детстве! Утром проснется, солнышку улыбнется, навернет парного молока с духмяным караваем – и вприпрыжку на улицу. Но сначала обязательно заглянет в конюшню, поздоровается с ягнятами, хрюшками, во дворе курочек покормит крошками. А вот уже выбежала на зеленую лужайку, где пощипывает траву молодой жеребчик Рубин. Нюрка потрепала конскую гриву:

- Ешь, ешь Рубинко. А то в колхозе запрягут тебя в работу – поесть некогда будет. Ну, поел?

Шестилетняя девчонка обошла коня сзади, ухватилась обеими ручонками за хвост:

- А теперь, Рубинко-батьюшка, айда в колхоз!

И сколько силенок хватило, потянула. Услышал Рубинко про колхоз да как лягнет – отлетела Нюрка метра на два, лицо зажала ладошками. На плач выбежали отец с матерью.

- Ну, чё опять с тобой стряслось?

- Да я в «колхоз» хотела с Рубинком поиграть, а он мне как да-а-ст! – всхлипывала Нюрка, держась за щеку.

Мать отняла руку: под правым глазом красовался огромный синяк.

- Одно наказанье с тобой. А если бы в косицу угодил?

- Ладно, еще не успел подковать его, - добавил отец.

А потом засмеялся:

- Вот и лошадь не хочет в колхоз идти. Чувствует животина, что несладко там будет.

Да, разговоров о колхозе в деревне Фоминск Очерского района было много. Вступать – не вступать? А когда речь зашла о сплошной коллективизации и дошло до раскулачивания, смекнул мой дед, кражистый мужик, Андрей Иванович Лещев, что доберутся и до его справного хозяйства. В ту пору он уже обзавелся сеялкой, молотилкой, веялкой, жаткой, сенокосилкой. По две пары лошадей и коров, с десяток свиней и столько же овец держали Лещевы. И не хотелось «за так» отдавать нажитое своим горбом.

Не дожидаясь «выселок», продал Андрей Иванович за бесценок дом, сельхозинвентарь и всей семьей перебрался в 1930 году на Кухтанку, где жил его старший брат Петр. За Рубина, племенного жеребца, уступил Петр брату половину пятистенного дома. И вроде снова стала жизнь налаживаться. Раскорчевали 15 гектаров неудобницы, перепахали, засеяли рожью, овсом, пшеницей. Правда, у Нюрки, ее братьев и сестер (всех шестеро, седьмой, Михаил умер от воспаления легких – снегу разгоряченный поел – еще в Фоминске) в то время детских игр поубавилось. Надо же такое огромное поле прополоть, обиходить. В страду другая работа – жать, снопы вязать, в кладу убирать. Да и в долгие зимние вечера взрослые находили работу ребятам. Нюрка вон в семь лет научилась и прясть, и вязать. Но чуть выпадала свободная минута – убегала в ...конюшню.

- Нравилось мне там играть. Подойду к лошадям, наговариваю с ними. У нас Матрена была, сильная лошадь, широкая, как печь русская. И умница. Стоит, глаза закроет, губу нижнюю отквасит. Я ей в рот рукой залезу, зубы все переберу – спит, не шелохнется. Бывало, и я с ними тут же в конюшне усну. Мама хватится: «Че-то тихо стало. Где у нас Нюрка-то?» Пойдет искать. И видит: я в обнимку с жеребенком лежу, а над нами Матрена стоит, дремлет. А то у ягושек найдет меня сонную. Лет с пяти я уже верхом на лошади ездила. Как-то в крутом ложке не удержалась, скатилась через Матренину голову. Лежу, а лошадь остановилась, нагнулась ко мне. Потом заржала – тут и папа подошел, посадил. Я руками за гриву – и дальше поехала. Ой, да каких только приключений со мной ни случилось! – улыбается Анна Андреевна.

Нюркины полеты

Порой жизнь ее на волоске висела. Однажды на полатах малышня расшалилась. Нюрка соскользнула (а может, кто и ненароком подтолкнул) и без «пересадок» в ...открытый голбец. Потеряла сознание. Отец с матерью вытащили, уложили дочь на одеяло, за концы ухватились и давай раскачивать. Минуты через две открыла глаза: где это я? Молоком парным отпоили, полегчало – и по новой «летать», нисколько на месте не сидела. Раз посуду пошла мыть на Кухтанский прудик (дядя Петя соорудил). Ложка выпала из рук, потянулась за ней, и сама – бульк в воду с мостков. «Лежу на дне и все вижу: солнышко, деревья. И Таську, сестру младшую, вижу. Мечется на берегу, кричит что-то. А дальше не помню». На крик прибежала мать, выхватила из воды Нюрку. Перевернула на живот, надавила – вода и хлынула изо рта, носа, ушей. Опять ожила!

И ведерный самовар с кипятком опрокидывался на Нюрку – всю зиму болела. И замерзала. «Это самая легкая смерть. В третьем классе я училась. Из школы шла, из Большой Лысьвы. А в тот день морозило. Что-то я приустала. Присела на портфель у обочины. И уснула. Приснились луга с ромашками, васильками. И так хорошо стало, тепло. Тут меня, сосульку, кто-то из макарихинских – на лошади ехали – и подобрали. Возле речки Гаревки навстречу папа попался. Он за мной в школу поехал на Лебедке, Матрениной дочери. Дома со мной отводились, но слух потеряла. Так месяца два каждый день баню топили, и в этой жаре мама с папой мне в уши дули. Потом будто что-то сощелкало. И я запрыгала от радости: «Я все слышу, слышу!» Но из-за болезни осталась в школе на второй год».

Прощай, хутор!

Однако и здесь, на Кухтанке, Лещевым не дали долго единоличничать. Пришли уполномоченные из сельсовета: или в колхоз вступайте, или скотину заберем. «Мы все в рев. Припали к Девке, не даем. Это корова наша. Ее еще с родины привезли. По ведру с лишним молока давала. Она медведя один раз своими острыми рогами подранила, прогнала, но теленка оборонила. Ну вот, обнимаем мы Девку, ревим. А папа говорит: «Если корову возьмете, забирайте тогда и робят. Чем я их кормить-то буду?»»

Корову-то оставили, но в колхоз пришлось вступить. Лишились и работающей лошади Лебедки: ее в Больше-Лысьвенский колхоз «Заря» забрали. «Ее там Лещихой прозвали. Увидим, бывало, идет наша Лебедушка, везет тяжелую поклажу. Крикнем: «Лебедка!» Услышит, повернет голову и так жалобно заржет – мол, зачем вы меня в колхоз отдали?» А куда деваться? И Андрей Иванович, и жена его Евдокия Ивановна стали колхозниками. Работали тут же на Кухтанке свинарнями (к тому времени здесь построили небольшую свиноферму). А дедушка еще и сторожил колхозную пасеку, помогал пчеловоду Кузьме Федоровичу Чудинову.

И все бы ладно. Жить можно. Свое подворье выручало. И воздух на Кухтанке – дух забирает! Рядом-то сосновый бор. Красота! Не даром в этом бору заводское начальство ЛМЗ по выходным пикники устраивало. Ребята пройдутся утром по сосняку – то посудину какую городскую найдут, а то и часы добрые. Но однажды – это было в 1940 году – из сельсовета опять нагрянули представители власти: переезжайте на центральную усадьбу в деревню Большая Лысьва или хоть куда – хутора ликвидируют. И снова сдернулись Лещевы с обжитого места. Уехали на Макариху. Дом купили. Дед в колхозе конюхом работал, зимой вечерами по заказу шил костюмы и пальто на своей швейной машине «Зингер» (он слыл в округе первоклассным портным). А летом взрослые и вся ребятня лещевская на полях колхозных трудодни зарабатывали. Как страда сенокосная подступит, председатель колхоза Степан Туров командует: «Нюрка, садись на лошадь. Копны будешь возить». «А я и рада. Опять на лошадке. Как-то Степан парней заставил копны возить, а они опрокинули воз где-то на болотине. С той поры только меня на лошадь садил».

Босиком бы пробежаться по росе...

Через год грянула война. Мужиков и парней призвали в армию. Девчата ушли на производство. Так и оказалась Нюра Лещева в пятом цехе ЛМЗ, сначала проверяла качество корпусов снарядов, а потом в шестом цехе специальным прибором испытывала на прочность каски. Выдавит ролик в шлеме вмятину – каску в сторону: брак. Однажды идет по цеху главный инженер завода Аркадий Исакович Трегубов: «Что же это ты так много касок набраковала?» А Нюрка не растерялась: «Проверяйте сами, если не верите. Но я не хочу, чтобы по моей вине кому-то из наших солдат прострелили каску». Сел Трегубов за прибор, перепроверил все бракованные каски: «И верно. Негодные. Дело свое знаешь. Молодец!» А сам пошел по конвейеру дальше, нашел причину брака и такой разгон устроил!

В 1944 году Анна Лещева вышла замуж за макарихинского парня Васю Вершинина, комиссованного по ранению в тыл. Стали жить в Лысьве. Легко ли

было? Судите сами, если мать по выходным еще и подрабатывала – соседям на сенокосе за кусок хлеба, полы в техникуме мыла, памятники на кладбище подновляла. Все, глядишь, лишняя копейка в дом. Работала в инкубаторной станции в поселке Зарека, где цыплят выращивали на продажу населению. Позднее, с 1953 года - бухгалтер райпо. Отсюда и вышла на пенсию со значком «Отличник потребкооперации». Четверых детей на ноги подняли, все образование получили, причем трое - Вера, Людмила и я – «французы» (закончили иностранные факультеты вузов по специальности «Преподаватель французского языка»).

Сейчас Anne Андреевны 78 лет. После инсульта с трудом передвигается по комнате. Но зайдет речь о Кухтанке, засветится:

- Так бы и улетела туда. Хоть бы одним глазком взглянуть на места детства, босиком по тропинке пробежать.

...Вот и думаю порой: зачем понадобилось экспериментировать над деревней? Интересно, каким бы было сейчас хозяйство деда на Кухтанке, не тронь крестьянина с места? Может быть, я и сам с детьми работал бы на земле, на родовом подворье, а не «наслаждался» выбросами из заводских труб, не переводил бумагу...

Задуло костер...

На зеркальной глади заводи в камышовых зарослях замер поплавок. Вдруг он дрогнул, раза три погрузился в воду и лег набок. Так клюют только лещи. Отец подсек - и конец самодельной рябиновой удочки согнулся в дугу. «Только бы не сошел!» - подумал я, наблюдая за отцом, подводящим улов к берегу. Но поводок не выдержал – крупный подлещик у самой кромки берега плюхнулся в мелководье и запутался в камышах. Отец отбросил удочку и сиганул в воду, загородив рыбе путь на глубину. И руками вычерпал подлещика на берег! Весь мокрый, в хлюпающих, порыжевших от ила ботинках, отец держал добычу над головой и смеялся. Таким он запомнился мне в детстве.

Но чаще, конечно, я видел отца в работе – на покосе с литовкой в руках, в огороде - с лопатой или окучником, дома, у верстака, с которого кудрявыми сережками с сухим шелестом падали на пол запашистые стружки. И рубанок, сделанный отцовскими руками, и литовка у него не просто механически двигались, а ...пели. Эта мелодия у меня до сих пор в ушах звучит.

А когда отец брал гармошку или балалайку – ноги сами пускались в пляс. Все он умел. Все получалось, за что брался. Видно, недаром говорят: «Вятские (отец родился в деревне Вершинино Кировской области) – ребята хватские». И даже выйдя на пенсию (всю жизнь работал в техникуме: вел у студентов слесарную практику, потом завхозом был), отец не сидел без дела - точил на дому скальпели медикам. Когда же самого привезли на операцию, шутил: «Пластайте. Не должны еще затупиться инструменты».

Жалею, что не успел толком расспросить отца про войну. Да и не любил он о ней вспоминать. Вздыхал только: «Что о ней рассказывать? Кровь да смерть...» Из его коротких воспоминаний знаю, что воевал он под Старой Руссой. По званию младший лейтенант. Ходил в разведку. А потом отец подорвался на mine. Из госпиталя и комиссовали. В последние дни отец не мог спокойно слушать военные сводки из Чечни. «Опять кровь, опять смерть... Мы-то знали, за что воевали. А сейчас пацаны за что гибнут?»

...Оставшись без отца, я впервые почувствовал себя незащищенным. Хотя уже и сам дедушка. А в голове крутятся, крутятся строчки из песни Высоцкого: «Для меня будто ветром задуло костер, когда он не вернулся из боя...». И все же верится, что «наши мертвые нас не оставят в беде»...

Газета «ГородЪ», 29 марта 2002 года.

P.S. В 2005 году, 6 февраля, мама умерла. Еще раньше, в рождественскую ночь 2000 года, не стало и отца-фронтовика Василия Васильевича Вершинина. Царствие им небесное.

В их судьбах – судьба России

(«Сколько домов было в Костино?»)

И махали вслед рукою

...По тропинке, пропахшей мятой, на зеленый угорчик карабкается русоголовая малышня – Ленька, Васька, Сашка, Полинка, Женька. Все Долгополовы, из деревни Костино. Они торопятся к поезду, что проходит по ветке-однопутке Калино-Лысьва. Встречать и провожать поезда, помахать ладошкой пассажирам и машинисту паровоза – одно из любимых занятий Костинской детворы. Только не всем удавалось вырваться из дому: ребята постарше были уже при деле – работали с родителями в поле, скот пасли. Из тех же Долгополовых (шестерых сыновей и трех дочерей поднимали на ноги Александр Леонидович и Степанида Григорьевна) разве что самым младшим позволялось побегать вволю по деревенским просторам.

Вот эта картинка из детства, озвученная паровозными гудками, больше всего запомнилась Леониду Александровичу Долгополову, уроженцу деревни Костино, где недавно мы установили памятный крест и скамеечку возле старых берез и дикой яблоньки. Интересно, что и у деревянного дома на улице Кострова, где ныне живет пенсионер, в палисаднике растут березы и дикая яблоня...

Несмотря на ранний час, дорожка к дому была уже прогребена. Хозяин, кряжистый, лет семидесяти старик, радушно распахнул ворота:

- Проходи. Только извини. Я маленько того... Да жена сапоги мне купила. Вот я и обмывал обнову. Хотя зачем мне сапоги? У меня и валенки с калошами еще добрые. И не одни даже.

Грибы росли в огороде

Разговорчивым оказался мой собеседник и памятью крепок. По судьбе его отца Александра Леонидовича Долгополова-Голубцова, родом из Кына, можно один к одному проследить судьбу крестьянской России XX века.

В 1914 году на Лысьвенском металлургическом заводе вспыхнул бунт. В числе управителей завода, на кого обрушился гнев разъяренной толпы, был и главный бухгалтер завода Леонид Голубцов, с которым жестоко расправились бунтовщики. Его одиннадцатилетнего сына Александра подобрали Долгополовы, увезли в деревню Костино, усыновили. Подросток Александр и нанялся в батраки к зажиточному крестьянину-староверу Григорию Макаровичу Оборину, которому станет зятем, поскольку женится на одной из пяти его дочерей - Степаниде. Паспортов в ту пору в деревне, разумеется, не

было. И так вышло, что Александр Леонидович остался под двойной фамилией.

- В свободное от сельхозработ время отец мой занимался охотой да рыбалкой. Петлями зайцев ловил, на речке Березовке морды ставил. И дичи, и рыбы тогда было не меряно. Зайцев столько водилось, что, бывало, идешь зимой по заячьей тропе, и ноги в снегу нисколько не проваливаются: так сильно косые ее утапывали. А Павел Кречетов из соседней деревни Петрово зайцев на лошади возил, сдавал в город. И я с отцом на лыжах за зайцами хаживал. Иду, а сам еле ноги передвигаю. Какие еще мои силенки-то в шесть лет? – разводит руками Леонид Александрович.

- Сколько домов было в Костино? Кто в них жил?

- Три дома. В одном мы жили, Долгополовы. В другом - Григорий Оборин с Пелагеей и детьми. Пять дочерей да два сына у них было. Вот по матери-то Григорий и Пелагея и есть мои дедушка и бабушка. А по отцу мой дед – тот самый Голубцов, бухгалтер завода, с которым расправились пролетарии. Помню, у Обориных в работниках жили Фокин и Марков. А прадед Макар еще богаче был: свою мельницу имел. И золото у него водилось. Однажды пересчитал золотые царской чеканки монеты – полная банка набралась. И спрятал ее за божницу. Все отобрали большевики, когда раскулачивание началось. Это мама рассказывала. В третьем доме жила тетка Зиновья, мамина родственница. К ней приезжала дочь Александра Стряпунина. Позднее она преподавала физику в ремесленном училище, где и узнала меня. И хоть совсем немного – шесть лет – жил я в Костино, милее края для меня нет. Какие у нас поля, покосы были! Грибы и земляника росли прямо в огороде. Вода из ключика под горой – пьешь, не напьешься. Затянуло ныне те места бурьяном – не проберешься. Все нарушили коммунисты. А как же? У деда и прадеда выездные и рабочие лошади, с десятком коров, овцы, свиньи да еще и мельница. Не жирно ли? Разорить их, дома снести! Одно время и в бане нам пришлось пожить. Из той поры и запомнилось, как мы с бабушкой по осени картошку копали. Подхватим – стар да мал – ведро и тащим его вдвоем. Доведись по новой жить, не мешай никто – остался бы в Костино. Я ведь каждый год туда наведываюсь. А был помоложе, так не по одному разу за отпуск проходил по родным местам с ружьем, - Леонид Александрович крепится, чтобы не расплакаться.

«А что я нажил?»

В 1939 году Долгополовы перебрались к родственникам в Поповку, жили всем гамозом в одной комнате, пока не перевезли дом из Выломово. Поставили его в Зарихино. Сейчас он уже не жилой, провалился. Отец работал в колхозе «Заря», промышлял дичь, рыбу ловил. Четыре класса Ленька закончил в Большой Лысьве, семилетку – в Заимской школе. Когда началась война, Долгополову-старшему было без малого 40 лет. Однако несмотря на возраст и многодетную семью, кормилец ушел на фронт: повестка пришла. С войны вернулся контуженным. Но продолжал работать в колхозе. Умер в 75 лет. Из большой семьи Долгополовых в живых сейчас шестеро – братья Александр (живет в деревне Большая Лысьва), Афанасий, Леонид и Василий (проживают в Лысьве), сестры Евгения и Полина. Одна обосновалась в Новороссийске, другая – под Москвой, в Видном.

После семилетки Ленька поступил в училище на помощника машиниста паровоза. И 39 лет отдал железнодорожному (недаром в детстве к поездам бегал!) цеху ЛМЗ, где работал машинистом тепловоза, а ближе к пенсии – дежурным в депо. Ветеран труда, неоднократный победитель социалистического соревнования. В марте нынешнего года Леониду Александровичу исполнилось 70 лет.

- А что я нашёл? На сберкнижке лежало уже на «девятку». А тут грянул 91-й год. «Сгорели» денежки. Чем-то нынешние демократы схожи с прежними коммунистами: как-то все у них не для людей получается, а для себя. А ведь какими лозунгами махали: «Все для блага человека, все во имя человека!». Сейчас же трубят повсюду – дескать, экономика у нас в гору пошла. А где? Раньше по той же ветке Калино-Лысьва десятки поездов в день проходили, груза всякие, продукцию везли. А нынче один-два состава пройдут – и ладно. Нет, совсем-то на жизнь я не жалуясь. Грибами вот запасся на всю зиму. Кстати, хочешь солёных рыжиков? Голбец заставлен соленьями-вареньями. Показать? Квартира у Юры, сына, есть (старший Виктор умер. – Г.В.). А про мою внучку Машеньку Долгополову, ей 8 лет только, уже в газетах пишут. Теннисом она при «Приводе» занимается. И, видать, небезуспешно.

Из истории женитьбы

Между делом, беседей Леонид Александрович и впрямь сбегал в сени и поставил передо мной тарелку с солёными грибами. Тут из больницы («С ногой что-то сделалось, ступить не могу») пришла жена Зинаида Федоровна:

- Что ты гостя одними грибами потчуеть?

И через пару минут на столе появилась эмалированная чашка с наваристым мясным супом.

- Вятская она у меня, хватская. Засолы да маринады, что в подполье, - ее рук дело, - похвастался хозяин.

Весьма трогательна его история женитьбы. Еще до армии влюбился в скромную девушку Зою из Большой Лысьвы. «Мы два с половиной года дружили. И ничего, кроме поцелуев, за это время не было». Да, чувствуется, что Леонид вырос в семье староверов, где вольность и распутство не допускались. «Из армии пришел, Зоя чуть ли не полный чемодан с моими письмами вытащила. И она мне часто писала». В 1957 году сыграли свадьбу. К сожалению, Зоя Павловна, ветеран «Привода» (о ней написано в книге «Завод – судьба моя»), внучку Машу так и не дождалась: умерла 10 лет тому назад... А перед смертью наказала своей лучшей подруге Зине Овсянниковой, тоже работавшей на «Приводе», в котельной, и уже к тому времени овдовевшей:

- Ты моего Леню-то не бросай. Тяжело ему будет одному.

Через год после смерти подруги Зинаида Федоровна выполнила ее просьбу: пришла в дом к Леониду Александровичу, стала его женой.

«Ты не ушибся, сынок?»

Из восточной легенды: «Сын женился. И однажды молодая жена спрашивает мужа: «Ты меня сильно любишь?» - «Да, дорогая», - отвечает тот. «И сможешь доказать свою любовь?» - «Да, милая» - «Тогда принеси мне сердце твоей матери». Опечалился сын, но слово свое сдержал. Убил мать.

Вынул ее сердце. Несет его жене, спешит. Вдруг запнулся, упал. И слышит голос материнского сердца: «Ты не ушибся, сынок? Тебе очень больно?»

Вот так и наши русские деревни – Костино, Петрово, Волково, Выломово, Новиковка, Топорки. Возможно, некоторые из них появились на свет раньше рабочего поселка Лысьва. Ныне наш город живет и процветает. А от близлежащих деревень и живого места не осталось... Но не потому ли живет и развивается город, что ему свое сердце, сыновей и дочерей отдала сердобольная, многострадальная уральская деревня?...

Газета «ГородЪ», 7 ноября 2003 года.

И в Талой светлее стало

(«От Заболотной до Талой..не более пяти километров...»)

- Геннадий, глядь, как крест-то засветился. Красиво! Я такого чуда не видал, – Александр Филаретович указал в сторону сосняка, от которого мы отъехали пару минут назад.

Я приподнялся со скамейки в кузове: крест уже заслонили сосны. Но какой-то золотистый отблеск еще мелькнул меж деревьев и исчез. Что это? Неужели Всевышний освятил памятный знак, только что установленный нами на месте исчезнувшей деревни? Или это сверкнули души усопших крестьян, когда-то трудившихся на этой благодатной и грешной земле?

Так или иначе, но в Талой светлее стало. Подобное загадочное явление произошло два года назад в Горюнах, где в такую же пасмурную погоду, уже по снегу, мы с Борисом Филаретовичем (старший брат Александра) вкапывали поклонный крест на его малой родине. Все сделали, помянули бывших жителей Горюнов, поклонились. Только бы шагать до дому – и вдруг из прогалинки меж облаков вырвался яркий луч солнца. Ни раньше, ни после. Он осветил полянку, на которой стояли еще пахнувшие свежей стружкой крест и скамеечка возле него. Солнышко словно полюбовалось выполненной нами работой, оценило и, довольное, укатило по своим делам.

И вот верь-не верь, дорогой читатель, но мне показалось, что Некто сильный и всемогущий следит за нашими замыслами. И, если они направлены на доброе дело, помогает.

Взять тот же понедельник 25 октября, когда поехали в Талую. Накануне на уже промерзлую землю выпал снег. Подняться в такую погоду и на малую горку полевой, изрытой колеями дорогой - сплошное мученье даже для трехосного с ведущим передком КаМАЗа. От Заболотной до Талой – а это не более пяти километров – добирались почти час. В одном месте так забурились – ни взад, ни вперед. Ну, что мы с лопатками перед десятитонной машиной? А ведь так все удачно складывалось: АТП – спасибо Анатолию Матосяну – быстрехонько предоставило КаМАЗ. Гвозди, лопаты, лом – этим нас всегда обеспечивает заведующая хозяйством ЦТД Татьяна Орлова. Заместитель директора ООО «Ремстрой» Василий Зюзичев без каких-либо уговоров и условий выделил шестиметровый брус и доски для перекладин креста. Подъехали за ними - и благодаря расторопности мастера Нины Терехиной, рабочих «Ремстроя» в одно мгновение погрузились. А на какой-то колдобине застопорились все наши добрые намерения. И тут я, в прошлом убежденный атеист, мысленно обратился к Всевышнему: «Подсоби, пожалуйста, маленько». То ли мою самодельную молитву услышал Господь, то ли наш ас-водитель с

тридцатилетним стажем Виктор Шумков, применил из своего богатого опыта вождения, выражаясь шахматным языком, новейшую домашнюю заготовку, но КамАЗ, содрогаясь «всем телом», потихоньку выбрался из колдобины на траву.

Ну, а остальное, как говорится, дело техники. Правда, добравшись до места, мы не смогли сразу приступить к работе: очарованные красотой местности, где располагалась когда-то Талая, с четверть часа ходили по полю и сосновому бору за Клавдией Ивановной Киселевой (в девичестве Бурыловой), бывшей жительницей деревни. Она с дрожью в голосе рассказывала и показывала, где находились школа и клуб, магазин и птицеферма, где под раскидистой липой стоял родительский дом... В сосняке мы даже нашли заросший травой фундамент школы. Неподалеку от него и установили памятный крест с табличкой «Здесь была деревня Талая» да скамеечку.

Веснино, Горюны, Кухтанка, Еверзики, Крутой Лог, Костино, Талая – этим деревням мы вернули имя. Тревожит другое: не перейдут ли со временем ныне еще действующие села и деревни в разряд исчезнувших? Ведь, если сегодняшние сельсоветы получают хоть какую-то помощь из городского бюджета, то с образованием вместо них поселений (Новорождественское, Кормовищенское, Кыновское), наши деревни и ее не увидят, поскольку бюджет планируется формировать на местах из собственных доходов. Это в нищих-то уральских деревнях доходы? Может, их намереваются создать за счет налогов с селян на молоко, масло, яйцо, как в послевоенные годы, чем и обескровили личные подсобные хозяйства? Зато появятся в деревнях свои депутаты, сельские Думы... Мало нам еще экспериментов над землей и деревней?

P.S. На другой день после поездки в Талую заглянул в городской архив. Его заведующая Фаина Треногина любезно предоставила данные по бывшей деревне Талой. Оказывается, по документам это был участок Липовского совхоза. Согласно похозяйственной книге основных производственных показателей хозяйств колхозников за 1952-55 годы в Талой проживали семьи Колодиных, Рязановых, Литвиных, Меркуловых, Кокшаровых, Трегубовых, Бурыловых, Денисовых, Гладких, Марковых, Марасиных, Решетниковых, Русиновых, Гусевых, Третьяковых, Фофановых – всего более 90 человек. Основные профессии жителей Талой – доярки, скотники, птичницы, трактористы, конюхи, объездные (те, кто верхом на конях объезжали поля с целью предотвращения хищений).

Вот, пожалуй, и все сведения о некогда большой деревне. Не густо. Поэтому мы обращаемся к бывшим жителям Талой с просьбой поделиться своими воспоминаниями. Было бы интересно узнать, в каком году зародилась деревня, когда она прекратила свое существование, как сложились судьбы выходцев из Талой.

Газета «ГородЪ», 2 ноября 2004 года.

«Даша, дай телогрейку!»

Недели через две после публикации «И в Талой светлее стало» в редакцию зашел высокий коренастый мужчина лет семидесяти пяти. Представился. Анатолий Филиппович Киселев. Присел.

- Вы просили рассказать о Талой. Родился я там в 1929 году. Рос без отца. Мать Дарья Ефимовна Решетникова работала телятницей. Фамилию я взял по отцу, когда паспорт получал, потому что в детстве ребята обзывали меня «Решето». В тридцатые годы в Талой стоял всего один дом – двухэтажный. И жило в нем четыре семьи: Шура и Николай Меркуловы, Таисья и Николай Бординских, Черемискина Феня с сыном Анатолием, моим ровесником, и нас трое – мама, сестра Анна, она старше меня на пять лет, и я. Детей у Меркуловых и Бординских не было. Я все больше с Толькой бегал. Мы с ним на топчане и спали под одним одеялом, как сейчас помню, красным, стеженным, - в голубых глазах рассказчика засияли огоньки воспоминаний. – На красивом месте располагалась Талая. Я каждый год навещаю родину за грибочками. Как сильно изменилось там! Еще несколько лет назад на своей «Оке» я от Талой проезжал до бывшей Карповки. Сейчас туда на машине не сунешься – ивняком занесло, болотом затянуло. И крутого лога, где мы на лыжах катались, не стало: видно, с вешними водами в нем оседали песок, земля. Ну и сравнялось все потихоньку. А земляники в логу было: снизу глянешь – красно! За тем логом стояли два двора – коровник и телятник. Рядышком, на речке Талой, была приспособлена молоканка, где в проточной холодной воде фляги с молоком охлаждали. Из той же речки воду для буренок брали, возили ее на лошадях. А молоко в город отвозил Николай Меркулов. Школа, клуб, магазин, детский сад, пасека появились позднее, после войны.

Мы с Толькой в начальную школу ходили в Карповку: увезут нас туда на лошади на всю неделю, там и жили, учились. Из деревенских помню Валентина Балякина, холостяка. На фронт его взяли. А раньше, где-то в середине 30-х годов, бригадира Бабникова арестовали энкавэдэшники. Кто еще? Миша Кокшаров, худенький был, на гармошке все наяривал, а баба у него наоборот – здоровая, в теле. В соседях жила Наталья Фофанова, маме сестрой приходилась. Мишка, сын, у нее был. Вымерли все уже.

И до войны, и в первые послевоенные годы жили небогато. Кому в город надо выбраться, так друг у друга одежду занимали. К матери порой забежит скотница: «Даша, дай телогрейку до Лысьвы сбежать. У тебя она вроде почище. Моя-то силосом провоняла». Помню, как Октябрьские праздники отмечали. Прибегут доярки с фермы в ту избу, где бражку ставили. Соберутся, не переодеваясь, фонари зажгут. Сестра моя возьмет пилу, да по ней, вибрирующей, напильником водит – мелодия получается. Посидят женщины, песни заунывные попоют. Электричество в Талую стали проводить в 1947 году. Я еще ямы под опоры копал.

Самым голодным годом был, кажется, 32-й. Да, мне четвертый годик шел. Мама нам с сестрой сумки холщевые через плечо наденет и отправляет в город милостыню просить. До Заболотной дойдем и по домам ходим. Так Нюрка, хитрая, меня первого толкнет в дверь, сама на крыльце ждет. А я и перекреститься-то толком не умею. Стою у порога, переминаюсь с ноги на ногу. Увидит хозяйка басенького, кудрявого мальчика, меня в детстве за кудри Пушкиным обзывали, сжалится и подаст кусочек хлеба или пару картошек. Разваливаться Талая стала примерно с середины 60-х годов. В те времена

началось повсеместное укрупнение колхозов. К чему оно привело? В Новорождественском вон построили животноводческий комплекс чуть не на тысячу голов. Пойдет на пастбище такое стадо – за один заход всю траву вытопчет. Там коровы и доили, как козы, потому что с кормами туго стало. Погоняй-ка буренок за 8 километров на пастбище – половина удоев на дороге теряется. А в таких-то деревушках, как Еверзики, Мельниковка, Талая, на ферме стадо небольшое - голов 100, пастбище, покосы рядышком, кормов вволю – все по уму было, - рассуждает Анатолий Филиппович...

Газета «Городъ», 21 ноября 2004 года.

Поминание исчезнувшей деревни

